

О СУДЬБАХ ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И НЕОТЛОЖНОСТИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕ

Н. М. Добрынин,
профессор кафедры
конституционного и муниципального
права ИГиП ТюмГУ,
доктор юридических наук

Аннотация: *Статья подготовлена в качестве отклика по прочтении только увидевшей свет монографии Председателя Конституционного Суда России профессора В.Д. Зорькина «Цивилизация права и развитие России». Всецело разделяя взгляды авторитетного коллеги, автор акцентирует внимание на ключевых вопросах правовой модернизации Российского государства. Отмечается значимость адекватной правовой реакции как на внешние вызовы, стоящие перед страной в контексте глобализации, так и на внутренние неразрешенные проблемы и накопившиеся за годы реформ противоречия. Особенно подчеркивается важность сохранения и укрепления нравственных оснований права в России, разработки стройной юридической теории и развития на ее основе сложившейся системы российского права, стержневым элементом которой является Конституция России и отрасль конституционного права. В поддержку мнения профессора В.Д. Зорькина делается вывод о том, что без политико-правовой модернизации у России нет будущего.*

Abstract: *This paper is prepared as author's reflection on the newly presented monograph "Civilization of Law and development of Russia" by Prof. V.D. Zor'kin, Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation. Supporting the views expressed by the authoritative colleague, author highlights the basic issues of the legal development in today's Russia. Author notes the significance of the relevant legal solutions as for the external challenges which Russia faces in the context of globalization as for the internal unresolved problems and collisions accumulated during the years of reforms. He underlines especially the importance of improvement for the moral basics of Law in Russia, as well as the significance of elaboration of the consistent legal doctrine and of development on its basis for the traditional system of Russian Law focused around the Constitution and Constitutional Law. Supporting the opinion of Prof. V.D. Zor'kin, author argues that Russia has no future out of the legal and political development.*

Ключевые слова: *Модернизация, правовое развитие, юридическая теория, глобализация, нравственность, суверенитет, национальные интересы*

Key words: *Modernization, legal development, legal doctrine, globalization, ethics, sovereignty, national interests*

Разговор о юридическом быте современной России, безусловно, требует комплексного, многомерного представления о самых разных областях общественно-политического устройства нашей страны, о состоянии правовых реалий, в которых она развивается. Конституция России, принятая более двух десятилетий назад, по многим позициям продолжает оставаться идеалом, достижение которого в современных условиях все чаще и чаще подвергается сомнению различными исследователями, а также общественными и государственными деятелями.

Не случайным в этой связи является то обстоятельство, что все мы сегодня стали свидетелями огромного числа исследований и публикаций самого различного толка, в которых подчеркнуто отстаиваются ревизионистские взгляды, а читателям, иногда вкрадчиво, а порой и весьма прямолинейно, предъявляется мысль о необходимости коренного изменения общественно-политического устройства России. Чем чреват подобный «творческий» ревизионизм наша страна, наше общество знают не понаслышке: Россия на протяжении всего периода ее, без преувеличения, многострадальной истории вынесла достаточное количество «испытаний на прочность», каких никто не пожелал бы даже своему врагу. И это обстоятельство должно являться самым ключевым фактором для отказа на современном этапе от любых попыток ревизионизма, фактором, истоки которого, со всей очевидностью, коренятся в народной памяти, в памяти поколений.

Сегодня у России в рамках избранной ею более двух десятилетий назад траектории правового развития может быть лишь один верный и исторически оправданный путь: это путь постепенной, планомерной и методичной политико-правовой модернизации, путь, исключаящий любые ревизионистские настроения и, в то же время, учитывающий потребности общества в обеспечении в конкретно-исторических условиях баланса конституционных ценностей. И потому, нам представляется чрезвычайно

своевременной и глубокой по содержанию недавно увидевшая свет *монография профессора В.Д. Зорькина «Цивилизация права и развитие России»*¹.

Глубокоуважаемый нами коллега совершенно точным образом характеризует современную ситуацию, в которой находится сегодняшняя Россия, когда указывает, что «встающие перед нами вызовы, как и в эпоху предыдущей холодной войны, являются системными — политическими, информационно-пропагандистскими, экономическими и даже, не исключено, военно-стратегическими. Несомненно, и то, что нынешняя Россия по демографическому, экономическому, оборонно-мобилизационному потенциалу и кругу союзников гораздо слабее, чем в предыдущую эпоху противостояния советского и западного блоков. Несомненно, и то, что эти вызовы нарастают в условиях продолжающегося и глубоко затронувшего Россию глобального системного — не только экономического — кризиса.

В сфере нашей профессиональной компетенции и ответственности находится такой аспект этого кризиса, как размывание и ослабление эффективности правовых регуляторов. Это проявляется как в самых разных сферах социальной жизни (социокультурной, экономической, политической и так далее), так и на разных уровнях регулирования (национальном, международном, глобальном)... Причем...этот кризис особенно глубоко затронул Россию в силу беспрецедентных в мировой истории масштабов и темпов ее постсоветской политической, экономической и социальной трансформации. ***Мы находимся не просто в ситуации глобальной исторической турбулентности, а в самом ее эпицентре*** (выделено нами. — Н.Д.)»².

Отмеченные в приведенном суждении обстоятельства и факторы являются ярчайшим объяснением того, почему сегодня в России любой мало-мальски думающий человек все чаще размышляет (не может не размышлять!) о судьбах своей страны — как с точки зрения процессов, происходящих внутри нее, так и в контексте глобальных тенденций, отчетливо обнаживших свое недружественное отношение к России в последние год-полтора. И здесь на повестке дня в первую очередь находится вопрос о государственном суверенитете, о необходимости его сохранения, обеспечения его незыблемости. Именно поэтому профессор В.Д. Зорькин в своей работе отмечает: «в мире, вступившем в эпоху глобализации, стало объективно трансформироваться и размываться понятие национально-государственного суверенитета. Даже такой патриарх мировой дипломатии и сторонник баланса силы суверенных национальных держав, как Генри Киссинджер, несколько лет назад вынужден был констатировать, что “идет замена международной системы, появившейся в результате Вестфальского мира, на новую, созревающую систему”»³.

Хорошо это или плохо — однозначно сказать невозможно; так же, как невозможно предугадать и то, приведут ли процессы глобализации, в конечном счете, к установлению такого миропорядка, при котором необходимость сохранения принципов Вестфальского мира естественным путем «канет в Лету». Пока что мы имеем возможность наблюдать, как в международной практике повсеместно «*сильный*» принуждает «*слабого*» к проведению нужной (согласованной с «*сильным*») политической линии, а в среде государств-членов таких конфедеративных образований, каковым является в нынешнем виде Европейский Союз, то и дело звучат сравнения этого объединения с Советским Союзом, в котором формально суверенные и полноправные союзные республики фактически были лишены «*права на самостоятельную политику*».

Очевидным и вполне объяснимым на фоне процессов глобализации становится усиление межкультурной коммуникации разных наций, причем на уровнях, часто не достигаемых для правового нормирования и официального (открыто декларируемого) государственно-властного воздействия, исходя из современного понимания демократических ценностей и свободы личности.

Главным фактором, способствующим интенсификации и расширению горизонта межкультурных взаимодействий, является бурное развитие информационно-коммуникативных технологий и сервисов в современном мире, существенный рост доступности этих технологий и сервисов для населения большинства развитых и динамично развивающихся стран за счет их беспрецедентного удешевления, и, как следствие, фактическое устранение барьеров в виде государственных границ для обмена не только экономическими ценностями, но и, прежде всего, информацией, а также, политическими и идеологическими контентом и технологиями.

Понятно, что в таких реалиях перед каждым государством мира, в том числе и перед Россией, стоит задача обеспечения незыблемости своего государственного суверенитета и национальных интересов, выступающих главным условием сохранения этно-культурной аутоидентичности народов соответствующих стран.

В своем выступлении 24 октября 2014 года на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» Президент России В.В. Путин, обращаясь к обозначенной выше проблеме, отметил: «В мире накопилось множество противоречий... К сожалению, гарантий, уверенности, что существующая система

¹Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 320 с.

²Зорькин В.Д. Указ. раб. С. 6.

³Зорькин В.Д. Указ. раб. С. 268 – 269.

глобальной и региональной безопасности способна уберечь нас от потрясений, нет. Эта система серьезно ослаблена, раздроблена и деформирована. Непростое время переживают международные и региональные институты политического, экономического, культурного взаимодействия»⁴.

Содержательный анализ известных угроз, выделяемых мировым сообществом в качестве следствий глобализации, даже в первом приближении делает интуитивно понятными два обстоятельства:

первое, каждая из перечисленных угроз (не говоря уже о сценарии их совмещенного, синергетического осуществления) по масштабу своих потенциальных последствий затрагивает в пределах, условно говоря, «потерпевшей» нации практически все стороны общественной жизни;

второе, как правило, характер и механизм распространения любой из этих угроз если и не исключает возможность для любого и каждого из государств справиться с ними в-одиночку, то, как минимум, предполагает гораздо большую эффективность именно совместных действий государств по предотвращению, пресечению и ликвидации угрожающих инцидентов.

В данном контексте проблема сохранения действительного (а не только формального) государственного суверенитета и соблюдения национальных интересов начинает интерпретироваться в двояком ключе. Прежде всего, с позиции того, какие именно из объективно существующих угроз способны нанести ущерб российской государственности, и, если говорить о втором аспекте, с точки зрения необходимости кооперации и взаимодействия с другими суверенными государствами, в том числе, и в форме создания международных (то есть наднациональных) институтов регулирования и межгосударственной координации. При этом, существование проблемы государственного суверенитета в данном измерении является для некоторых исследователей поводом подвергнуть ревизии и саму доктрину государственного суверенитета, и основанный на признании суверенитета государств миропорядок.

Вновь обращаясь к взглядам нашего авторитетного коллеги, укажем, что в одной из своих более ранних работ профессор В.Д. Зорькин по данному поводу абсолютно справедливо отмечает: «в начале XXI в., особенно после событий 11 сентября 2001 г.⁵, возникла самая серьезная угроза существованию миропорядка, созданного суверенными государствами, а значит, и самим основам конституционного устройства суверенных государств. Существующую международную систему атакуют, ссылаясь прежде всего на неспособность национальных государств гарантировать права человека и обеспечить эффективное управление в условиях глобализации.

Жизнь, однако, показывает, что отказ от суверенитета одних — на практике лишь укрепляет суверенитет других, присваивающих себе право действовать во имя “всеобщих” интересов»⁶.

Таким образом, становится очевидным, что эти, происходящие в планетарном масштабе процессы так или иначе воздействуют на все, или почти все стороны общественной жизни людей, ассоциирующих себя с определенными национальными (суверенными) государствами.

Российская Федерация, будучи интегрирована в качестве полноправного члена в мировое содружество наций (суверенных государств), не находится в стороне от указанных преобразований и не имеет возможности их избежать; впрочем, политика дистанцирования, самоизоляции страны от происходящих в мире изменений способна была бы завести Россию на тупиковый путь развития, угрожала бы накоплением отсталости во всех сферах общественной жизни, вместо преодоления таковой.

Разумеется, что в этой ситуации вопросы сохранения и укрепления государственного суверенитета Российской Федерации, которая, в отличие от многих малых и молодых государств, не вправе позволить себе, в том числе, и в контексте своей исторической миссии, поступиться хотя бы толикой своей самостоятельности и самобытности, занимают сегодня важнейшее место в повестке политического руководства страны, а главное, должны решаться сквозь призму соблюдения национальных интересов России не только в процессе межгосударственного общения, но и посредством их реализации в практике внутригосударственного регулирования всех или почти всех сфер жизни российского общества.

В подтверждение сказанного необходимо в очередной раз привести некоторые извлечения из уже упоминавшегося выше выступления Президента России В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». В частности, Президент отметил в своем выступлении следующее: «...многие механизмы обеспечения миропорядка сложились достаточно давно, ...прежде всего по итогам Второй мировой войны. Прочность этой системы основывалась не только на балансе сил, ...и не только на

⁴ Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» по теме «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.) // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46860>

⁵ Здесь ученый имеет в виду один из крупнейших в истории человечества террористических актов, при котором вследствие намеренного направления пассажирского авиалайнера в высотное здание оказались полностью разрушены обе башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, а число погибших составило около 3 тыс. чел.

⁶ Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. - С. 663.

праве победителей, но и на том, что “отцы-основатели” этой системы безопасности относились с уважением друг к другу, не пытались “отжать всё”, а пытались договариваться.

Главное, что эта система развивалась и при всех изъянах помогала если не решать, то хотя бы удерживать в рамках существующие мировые проблемы, регулировать остроту естественной конкуренции государств.

Убеждён, этот механизм сдержек и противовесов, который в предыдущие десятилетия трудно складывался, порой мучительно выстраивался, нельзя было ломать, во всяком случае нельзя было ничего ломать, не создавая ничего взамен... Нужно было провести разумную реконструкцию, адаптировать к новым реалиям систему международных отношений.

Однако Соединённые Штаты, объявившие себя победителями в “холодной войне”, самоуверенно... подумали, что в этом просто нет нужды. И вместо установления нового баланса сил, который является необходимым условием порядка и стабильности, напротив, были предприняты шаги, которые привели к резкому усугублению дисбаланса.

“Холодная война” закончилась. Но она не завершилась заключением “мира”, понятными и прозрачными договорённостями о соблюдении имеющихся или о создании новых правил и стандартов. Создалось впечатление, что так называемые победители в “холодной войне” решили дожать ситуацию, перекроить весь мир исключительно под себя, под свои интересы. И если сложившаяся система международных отношений, международного права, система сдержек и противовесов мешала достижению этой цели, то её тут же объявляли никчёмной, устаревшей и подлежащей немедленному сносу»⁷.

Резюмируя стоящие перед национальными государствами задачи сохранения своего суверенитета и национальной идентичности в стремительно меняющемся мире, Президент Российской Федерации В.В. Путин акцентировал внимание на последствиях отмеченного им дисбаланса, образовавшегося на мировой арене: «Начался период разночтений и умолчаний в мировой политике. Под давлением правового нигилизма шаг за шагом сдавало свои позиции международное право. Объективность и справедливость приносились в жертву политической целесообразности. Юридические нормы подменялись произвольным толкованием и пристрастными оценками. При этом тотальный контроль над глобальными средствами массовой информации позволял при желании белое выдавать за чёрное, а чёрное за белое.

В условиях доминирования одной страны и её союзников, или, по-другому сказать, сателлитов, поиск глобальных решений зачастую превращался в стремление навязать в качестве универсальных собственные рецепты. Амбиции этой группы возросли настолько, что вырабатываемые в её кулуарах подходы стали преподноситься как мнение всего мирового сообщества. Но это не так.

Само понятие “национальный суверенитет” для большинства государств стало относительной величиной. По сути, была предложена формула: чем сильнее лояльность единственному центру влияния в мире, тем выше легитимность того или иного правящего режима»⁸.

В контексте логики президентского выступления следует особо подчеркнуть, что главным источником фиксации национальных интересов России в их наиболее обобщенном и ёмком выражении выступают российская Конституция и нормы конституционного права. Соответственно, в отдельных сферах общественной жизни, традиционно составляющих в нашей стране предмет отраслевого правового регулирования, реализация национальных интересов в праве (прежде всего, путем их явной или опосредованной фиксации в конкретных нормах) неизбежно приводит к более глубокому и рельефному проникновению элементов конституционно-правового регулирования во все отрасли российского права — происходит их конституционализация.

Не случайно, завершая свое выступление на «Валдайском форуме», Президент России В.В. Путин подчеркнул значимость сохранения и укрепления именно сложившихся и конституционно закрепленных приоритетов развития страны: «Россия свой выбор сделала, наши приоритеты — дальнейшее совершенствование институтов демократии и открытой экономики, ускоренное внутреннее развитие с учётом всех позитивных современных тенденций в мире и консолидация общества на основе традиционных ценностей и патриотизма. У нас интеграционная, позитивная, мирная повестка дня, мы активно работаем с нашими коллегами по Евразийскому экономическому союзу, Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС, с другими партнёрами. Эта повестка направлена на развитие связей между государствами, а не на разъеди-

⁷ Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» по теме «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.) // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46860>

⁸ Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» по теме «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.) // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46860>

нение. Мы не собираемся сколачивать какие-либо блоки, втягиваться в обмен ударами. Не имеют под собой основания и утверждения, что Россия пытается восстановить какую-то свою империю, покушается на суверенитет своих соседей. Россия не требует себе какого-либо особого, исключительного места в мире, я хочу это подчеркнуть. Уважая интересы других, мы просто хотим, чтобы и наши интересы учитывали, и нашу позицию уважали»⁹.

Сказанное Президентом означает не только необходимость соблюдения и реализации национальных интересов России, а подразумевает, в том числе, и, прежде всего, дальнейшее укрепление интегративной роли конституционного права как ключевой, системообразующей отрасли российского права и вообще российской правовой традиции. Но одновременно это и признание того, что Россия, ее правовая система в целом и лежащая в ее основании отрасль конституционного права в своем дальнейшем развитии (если говорить об эволюции отрасли российского конституционного права не просто как свода норм, а “живой материи”, то есть реальной практики конституционно-правовых отношений), безусловно, ориентированы как на поддержание и укрепление общепризнанных принципов и норм международного права, сложившихся к настоящему времени, так и на имплементацию новых механизмов и подходов паритетной и сбалансированной международно-правовой координации национальных интересов всех суверенных государств.

Подтверждением данного тезиса являются события 2014 года, связанные с принятием в состав Российской Федерации бывшей украинской Автономной Республики Крым в статусе субъектов Федерации — Республики Крым (в составе России) и города федерального значения Севастополя. Последовательность юридически значимых с точки зрения международного права шагов, предпринятых руководством и населением бывшей украинской Автономной Республики Крым по проведению общенародного референдума, по существу означала провозглашение независимости Республики Крым, установление ее самостоятельной государственности. Дальнейшее вхождение Республики Крым и города Севастополя на правах субъектов в состав Российской Федерации связано, опять же, с фактом международного признания Россией независимости (т.е. государственного суверенитета) Республики Крым. И какие бы ни предпринимались в настоящее время попытки в западной прессе и на высшем политическом уровне ряда государств преподнести общественности свершившиеся факты как аннексию Российской Федерацией части иностранного государства — Украины, — история межгосударственных отношений имеет ряд аналогичных прецедентов, когда государственный суверенитет и независимость части территории определенного государства провозглашались на этой части территории в одностороннем порядке: автономный край Косово и Метохия в составе Сербии, Республики Абхазия и Южная Осетия, Приднестровье и некоторые другие.

При этом, в случае с Косово, независимость которого от Сербии была провозглашена в одностороннем порядке и не путем проведения общенародного референдума, а решением парламента Косово (легитимность его формирования, кстати, по-прежнему вызывает вопросы), Международный суд ООН 22 июля 2010 года признал законность действий властей Косово по провозглашению независимости от Сербии, объявив, что свершившийся юридический факт не противоречит нормам международного права¹⁰. Принятию Международным судом ООН данного решения предшествовала череда признаний государствами-членами ООН международной правосубъектности Косово как самостоятельного государства, которая продолжилась и в дальнейшем; к настоящему времени независимость Косово в качестве самостоятельного государства признана 108 странами – членами ООН¹¹, что составляет большинство участников этой ведущей всемирной международной организации.

Возникает закономерный вопрос: почему при всей аналогичности ситуаций с провозглашением независимости ряда территорий (Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья, а теперь еще Донецкой и Луганской народных республик на Украине) никто не торопится с признанием их международной правосубъектности в качестве государств, а случай с Республикой Крым вообще преподносится как аннексия или, ни много, ни мало, российская оккупация¹²? И почему в Косово, сомнительная независимость которого с такой прытью была признана очень многими государствами, по-прежнему сохраняется во многом непротая ситуация, готовая вылиться в новые этнические противостояния и партизанскую войну, а в «незакон-

⁹ Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» по теме «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.) // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46860>

¹⁰ Подробнее см., напр.: Международный суд ООН признал независимость Косово // Официальный сайт «Коммерсант.ру». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/1473715>

¹¹ Данные приводятся по состоянию на 14.08.2014 на основе данных Официального сайта Министерства иностранных дел Республики Косово. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mfa-ks.net/?page=2,4,2415&offset=1>

¹² См., напр.: Закон № 1207-VII «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины», принятый Верховной Радой Украины 15 апреля 2014 г.

но аннексированной» (или «оккупированной»?) Россией Республике Крым нет народных протестов, нет партизанской войны или иной вооруженной борьбы с «агрессором», но работают люди, налаживается деятельность предприятий, функционируют в штатном режиме все основные институты власти?

Думается, что это как раз тот случай, когда международное право, его сугубо юридическая рациональность и верховенство оказываются в очередной раз подавляемы внешней политикой ряда государств, чьим интересам не отвечает подобное развитие событий. Однако, если говорить о взаимосвязанности принципов международного права с национальными правовыми системами, следует иметь в виду, что любая вольная интерпретация сложившихся в международном праве канонов неизбежным образом наносит или нанесет в недалеком будущем не менее сокрушительный удар и по устойчивости собственных национальных правовых систем тех стран, которые позволяют себе подобные двойные стандарты в международных отношениях: **подмена права политической целесообразностью недопустима!**

Вот почему представляется абсолютно верным юридический контекст выступления Президента России В.В. Путина на «Валдайском форуме», выдержки из которого приведены выше: *приверженность России устоявшимся принципам, идеям и ценностям международного права — единственный рациональный путь не только развития национальной правовой системы и, прежде всего, сферы конституционно-правового регулирования как непосредственной юридической основы российской государственности, но и вообще сохранения суверенной российской правовой традиции в современном мире!*

К тому же, если говорить о Республике Крым, то необходимо помнить, что до 26 апреля 1954 года Крым являлся исконной исторической территорией России, а его передача в состав существовавшей тогда Украинской ССР по решению руководства Советского Союза была осуществлена с юридическим нарушением норм Договора об образовании Союза ССР 1922 года, который, помимо прочего, закреплял право республик на свободный выход СССР (чем предполагался договорный характер советской федерации) и потому подразумевал такой же договорный принцип решения территориальных вопросов между советскими республиками, входившими в состав СССР; юридическое же оформление передачи Севастополя в состав Украинской ССР вообще не было осуществлено, несмотря на то, что согласно указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 29.10.1948 город Севастополь был выделен в самостоятельный административно-хозяйственный центр со статусом города республиканского подчинения¹³ в составе РСФСР.

И всё это лишь в очередной раз доказывает, что право как важнейший регулятор общественных отношений не может всякий раз приноситься в жертву под предлогами политической, хозяйственной, административной или любой другой целесообразности: пренебрежение верховенством (можно сказать, незыблемостью авторитета) права, являющегося мерилom и одновременно выражением общественных представлений о гражданском мире и согласии, социальной справедливости, нравственном и безнравственном, способно стать причиной настоящих трагедий в сотнях и тысячах человеческих судеб.

Однако, проблема политико-правовой модернизации в России, ее движения к цивилизации права не исчерпывается вопросом об устойчивости ее государственного суверенитета, соблюдения ее национальных интересов в межгосударственном общении. Это, безусловно, важный фактор и условие сохранения российской государственности в контексте внешних вызовов и рисков; но не меньшей значимостью обладает и вопрос о внутренних, происходящих в пределах России процессах, определяющих способность страны взять, обращаясь к метафоричному термину В.Д. Зорькина, правовой барьер.

По нашему глубокому убеждению профессор В.Д. Зорькин совершенно справедливо отмечает: *«Именно в рамках права, на пути формирования правового и одновременно социального государства нам надо искать соединение традиции соборности, общинности и коллективизма с правом как формой свободы индивида.*

Таким образом, на данном историческом этапе Россия должна построить не просто правовое государство. Это должно быть *правовое и социальное* государство. Именно так можно определить главное направление правового развития России. Только на этом пути наша страна сможет противостоять сложным вызовам современного мира, сохранить свою идентичность в условиях глобализации и найти достойное место в процессе общецивилизационного развития человечества»¹⁴.

В данном контексте нельзя не обратиться к мысли о том, что построение *правового и социального* государства возможно лишь при условии, что право в стране становится воплощением общеправового принципа справедливости, средоточием нравственных оснований жизни общества, а закон — является только правовым. В противном случае мы неизбежно сталкиваемся с ситуацией, когда принимаемые законы не работают, не реализуются должным образом, поскольку не находят *«точки опоры»* в социокультурных ценностях российского народа, не получают должный и адекватный отклик в умах людей.

¹³ То есть, со статусом города федерального значения, если употреблять современную терминологию.

¹⁴ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России... С. 44.

Эту простую для понимания, но в то же время крайне сложную в практической реализации мысль сформулировал еще Ш. Монтескье, который в трактате «О духе законов» писал: «Законодатель должен сообразоваться с народным духом, поскольку этот дух не противен принципам правления, так как лучше всего мы делаем то, что делаем свободно и в согласии с нашим природным гением»¹⁵.

По абсолютно точному замечанию нашего глубокоуважаемого коллеги профессора В.Д. Зорькина, опять же, можно было бы «привести множество высказываний современных философов и социологов, подчеркивающих, что право может быть действенно лишь в той мере, в какой ему удастся получить социальное признание (Пьер Бурдьё), что право должно быть способно доказать собственную легитимность в глазах граждан, обладающих во всех других отношениях разными взглядами (Юрген Хабермас) и т. д. Вряд ли кто-то будет сейчас спорить с тем, что эффективной является такая правовая система, которая обеспечивает легитимность правоустановления и правоприменения (включая толкование закона) в глазах большинства населения»¹⁶.

И здесь, разумеется, в первую очередь, на повестке находится вопрос о нравственных основаниях права, его соотношения с моралью. Сегодня ни для кого не секрет, что человечество в целом сталкивается с серьезнейшей проблемой ослабления роли социальных регуляторов. Мораль, отражением которой выступает общественная нравственность, в этом смысле подпадает под еще большее негативное влияние, чем право: когда основания социальной солидарности оказываются под сомнением в силу признания личности, ее индивидуальности и уникальности высшей ценностью, человеческое эго, вне всякого сомнения, подавляет тысячелетиями формировавшиеся этические императивы. Не замечать этой проблемы означает ни больше, ни меньше — движение по пути социальной дезинтеграции, с которой даже право со временем будет уже не в состоянии справиться.

Нравственный, морально-этический регресс общества, конечно же, является не столько риском недостижения в обозримом будущем идеала цивилизации права, сколько вообще прямой угрозой любому правопорядку, пусть и самому несовершенному.

Профессор Г.В. Мальцев по данному поводу в одной из своих последних работ с полным основанием отмечал, что «правовые элементы гораздо лучше, чем моральные, работают в механизмах социального контроля, также как и “калькулирования” жизненных успехов. Моральные обязательства считаются сегодня менее надежными, чем юридические обязанности, необходимость исполнения которых гарантируется правом, законом и судом...»¹⁷, однако, истинные «цели социального регулирования могут быть достигнуты лишь при скоординированном развитии систем моральных и правовых норм в едином направлении, которое определяется ценностями общества. Странно, что эту очевидную закономерность... не замечают многие современные политические деятели и законодатели, полагающие, что ослабление моральных регуляторов не такая уж большая беда, что упадок морали может быть компенсирован за счет активизации средств правового регулирования, массового принятия законов... Без морально-ценностной поддержки либо объективно действующий против морали закон ничего не исправляет, сам становится деструктивным фактором в обществе»¹⁸.

Обращаясь к более ранним философским источникам, обнаруживаем, что, например, А.Н. Радищев еще в XVIII в. писал: «Чем народ имеет нравы непорочнее, простее, совершеннее, тем меньше он нужды имеет в законах. Но чем больше они повреждены и удаляются простоты, тем бóльшую нужду имеет он в законах для восстановления рушившегося порядка»¹⁹.

Следуя логике совершенно верно обозначенного профессором В.Д. Зорькиным магистрального направления политико-правовой модернизации России — построение *правового и социального* государства²⁰, — и в очередной раз осмысливая проблему соотношения права и закона, сложно удержаться от параллелей с ситуацией, сложившейся в России в предверие революционных событий 1917 года. Например, не утратили, увы, своей актуальности и для современной России слова известного конституционалиста В. Набокова, произнесенные им в 1912 году: «Тщетно чтут законность, попирая ее на деле. В русской жизни это поправление — всем язвам язва. Она заражает весь государственный организм, ежеминутно давая о себе знать, развращая и властвующих, и подвластных... Наиболее общим результатом такого положения является то неуважение к закону, при готовности устами славословить его, которым проникнута вся администрация снизу и доверху... Последние годы характеризуются каким-то возведением этого неуважения в принцип, им как-то щеголяют, открыто подчеркивая, что законы и законность всегда и бесспорно должны отступать перед требованиями “государственной целесообразности”... Противовесом этому злу могла бы

¹⁵ Монтескье Ш.Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – С. 261.

¹⁶ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России... С. 16.

¹⁷ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. Изд. 2-е. – М., 2009. – С. 88 — 89.

¹⁸ Там же. С. 89.

¹⁹ Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. – М., 1952. – С. 548.

²⁰ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России... С. 44.

служить деятельность суда, восстанавливающего действие закона во всех случаях его нарушения, — суда независимого, нелицеприятного, свободного от политики, не считающегося ни с чем, кроме велений закона, и ставящего своей первой и главной задачей доставление торжества этому закону. Есть ли у нас такой суд?»²¹.

И здесь, казалось бы, многое в круге задач политико-правовой модернизации России становится ясным: есть Конституция страны — она и является отправным моментом и фундаментом всего юридического быта современной России.

Но это — лишь первый взгляд: российская Конституция, каким и должно быть Основному закону государства, является документом всеобъемлющим, стержневым для всей системы российского права, но потому и не предполагающим детального регулирования каждой из затрагиваемых ею сфер общественной жизни.

В этом неявном «противоречии» конституционных ценностей с наличной правовой реальностью и кроется, по нашему глубокому убеждению, причина столь частых призывов переписать Конституцию России, начать всё с «чистого листа», реализовать идею *tabularasa*. Те, кто опрометчиво вносит подобные предложения, руководствуются тем, что онтологическая дистанция между «записанным» в Конституции страны и правовой реальностью говорит о том, что именно Конституция России «из рук вон» плоха.

Но, вновь обращаясь к суждениям нашего авторитетного коллеги профессора В.Д. Зорькина, приходит понимание того, насколько он снова прав, когда говорит, что «не научившись жить по плохой Конституции, нельзя научиться жить по Конституции вообще»²².

Правовая реальность в ее многочисленных деталях, хорошем и плохом, достоинствах и изъянах создается не только Конституцией страны, но и законами, подзаконными нормативными актами. Зададимся закономерным вопросом: насколько все наши современные законы и подзаконные акты хороши? Насколько они проникнуты идеями приверженности конституционным ценностям? Сколько из них могут считаться правовыми?

Как бы отвечая на сформулированные нами вопросы и высказывая разгромную критику в адрес апологетов *tabularasa*, профессор В.Д. Зорькин чрезвычайно точно констатирует и здесь же задается вопросами, имеющими фундаментальное значение для политико-правовой модернизации современной России: «Рано или поздно нам придется восстанавливать право. Причем, именно на общечеловеческом уровне. И вот когда мы вернемся к построению права как одной из основ подлинно человеческого бытия, мы обязательно должны будем задаться вопросом, а не находится ли в основе основ нынешнего бесправия принцип табула раса, не лежит ли в его основе какая-то ужасная теоретическая ошибка, породившая перерождение современной западной цивилизации? Или по крайней мере поспособствовавшая этому перерождению?»²³.

Действительно, сегодня, будучи проникнуты идеей прагматизма права мы настолько отделились от его истоков, от его философии, что почти позабыли о том, что нет ничего практичнее хорошей теории. Идущие в нашей стране на протяжении более двух десятилетий реформы стали уже, если говорить прямо, нескончаемыми. И это тоже не способствует тому, чтобы осмыслить накопленный «багаж» приобретений и ошибок, случившихся за этот самый сложный период на юридическом поприще, осмотреться, сформулировать наиглавнейшие и неотложные задачи на ближайшее и отдаленное будущее. Гораздо проще сказать, что российская Конституция плоха, совершенно не задумываясь о том, что Основной закон нашей страны всё дальше и дальше от заложенных в нем идеалов, возможно, именно потому, что у нас плохое качество законов и подзаконных актов, и потому, что они не подкреплены в достаточной степени стройной, внутренне непротиворечивой и, если уместно так выразиться, «изящной» юридической теорией, прежде всего, конституционно-правовой теорией, теорией современного российского конституционализма. *Разработка такой теории — важнейшее условие стабилизации всей правовой системы России, проведения внятной систематизации российского права в контексте новых исторических вызовов и рисков, а значит, и ключевой фактор политико-правовой модернизации государства.*

Однако, как бы это ни казалось парадоксальным с учетом того времени, в течение которого существует отрасль конституционного (государственного) права в нашей стране, сегодня мы не встретим единой души в ученом мире даже по ключевым вопросам одноименной отраслевой юридической науки; достаточно ярким тому подтверждением являются неутраченные споры о предмете отрасли конституционного права. Вполне допускаем, что разнообразие научных точек зрения, высказанных по проблеме предмета отрасли конституционного права России, является позитивным моментом, отражающим уровень активности исследований в области конституционно-правовой проблематики в целом. К тому же, обилие

²¹ Цит. по: Крусс В.И., Кузьмин А.Г. Понятие, основные предпосылки и факторы конституционализации российской судебной системы // Проблемы права. 2014. № 3 (46). С. 32.

²² Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России... С. 55.

²³ Там же. С. 188.

теоретических взглядов, сформулированных к настоящему времени в отношении предмета конституционно-правового регулирования, не означает существования между разными взглядами непреодолимых различий: напротив, все они, так или иначе, оперируют идеей о том, что конституционное право регулирует основы: основополагающие отношения, фундаментальные устои, базовые, ключевые принципы и ценности – и этот понятийный ряд мог бы быть еще продолжен.

Но в этом, как раз, и заключается вся сложность выработки единообразного научного подхода к определению предмета отрасли конституционного права: указать, что оно регулирует основы, не означает дать ответ на вопрос о том, а что именно считать основами (фундаментом, базисом), а что – конкретикой, подлежащей детальному правовому регулированию в рамках других отраслей права.

Профессор Т.Я. Хабриева и профессор В.Е. Чиркин, к примеру, разграничивая понятия предмета (объекта) *конституционно-правового* регулирования и объекта *конституционного* регулирования, пишут: «В конституции есть только общая схема взаимосвязей индивида (человека и гражданина), коллективов, государства и общества... Та детализация, которая есть в тех или иных конституциях, отражает чаще всего лишь традиции народа, обычаи той или иной страны, а иногда преходящую ситуацию. Чем меньше будет в основном законе преходящих норм, тем стабильнее будет конституция. Однако, с другой стороны, из конституции нельзя делать схему общих положений. При таком подходе она не сможет выполнять свою организующую и регулиующую роль. Важно соблюдать меру, необходимые пропорции»²⁴.

Мы не сомневаемся, что *поиск этих пропорций, оптимального соотношения между основным и детальным, общим и частным — насущная задача современной науки конституционного права России*. От однозначности ее решения зависит не только устойчивость представлений о самой отрасли конституционного права, но и стабильность вообще системы российского права.

Наблюдаемое сегодня отсутствие единодушия среди российских ученых в определении предмета конституционно-правового регулирования часто приводит не только к выбору законодателем недостаточно эффективных, а порой и ошибочных, методов правового воздействия на те или иные области общественных отношений, не только к многократному возрастанию объема нормативного материала и, подчас, отсутствию его внутренней согласованности, но и к негативным результатам в юридической науке, в том числе, и к появлению своего рода «*сепаратных*» концепций, направленных на ревизию столетиями формировавшейся систематики российского права.

Поддерживая мнение профессора С.А. Авакьяна, который убедительно доказывает обоснованность и отсутствие перспективы практического применения во многом надуманных или почерпнутых из западной юриспруденции концепций «*новой*» систематизации российского права в современных условиях²⁵, следует, однако, признать, что тесное переплетение в реальной жизни общества разных аспектов какого-либо определенного, взятого для исследования явления подчас способно приводить к размыванию традиционных рамок и границ предметных областей также и тех отраслей российского права, которые считаются сложившимися и существование которых никем из специалистов не оспаривается. ***А в случае с отраслью конституционного права поиск баланса между основным и детальным, общим и частным в регулировании самых разных сфер общественной жизни вообще становится «вечным» вопросом права***, ибо этот баланс даже если и может быть когда-либо теоретически или эмпирически обнаружен, всегда будет актуален лишь для конкретной страны, конкретной нации и для конкретных исторических условий жизни общества.

В этой связи контекст проблемы предмета отрасли конституционного права серьезно меняется, а сложившаяся к настоящему времени система российского права начинает представляться не столь безупречной. Поэтому, естественным продолжением дискуссии о предмете отрасли конституционного права России (или о предмете конституционно-правового регулирования) является анализ вопроса о возросшей подвижности отраслевой систематизации российского права в целом.

Следует отметить, что тенденция к вычленению «*новых*», все более дробных отраслей в рамках предмета некогда сложившихся эволюционным путем отраслей права, которые сегодня считаются традиционными, характерна не только для отечественной конституционно-правовой науки, но и для других отраслевых юридических наук. Достаточно вспомнить такие «*вновь появившиеся*» отрасли, как спортивное право, военное право, инвестиционное право, энергетическое право, информационное право и ряд других. Сегодня весьма редко можно встретить и какую-либо кандидатскую диссертацию по юридическим наукам, в которой не подвергался бы ревизии вопрос об отраслевой принадлежности исследуемых в ней правовых норм, институтов и отношений и не предлагалось бы урегулировать соответствующую сферу, ни больше, ни меньше, специальным законом, притом законом, как правило, федеральным. Думается, что авторы таких исследований, нередко не имеющие необходимого практического и жизненного опыта и

²⁴ Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. - М.: НОРМА, 2007. – С. 75.

²⁵ Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: Учебное пособие. В 2 т. Т. 1. - 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. – С. 60 – 63.

вслед за западными учеными весьма либерально относящиеся к проблеме структурирования права, часто не в полной мере учитывают как достижения, привнесенные в юридическую науку нашими предшественниками – русскими дореволюционными и советскими классиками юриспруденции, так и основные каноны юридической техники.

Вместе с тем, в этой, складывающейся в отечественной юриспруденции ситуации нельзя упрекать только исследователей, особенно начинающих, которые в своем стремлении привнести в юридическую науку нечто новое поднимают вопросы о пересмотре сложившейся системы российского права, но нередко не дают, либо не находят на них однозначного ответа. Любое исследование правовой проблематики при всем многообразии доступных исследователю методов научного познания, прежде всего, отталкивается от современной автору картины мира. И в этой связи постоянно усложняющаяся практика общественной жизни, взаимопроникновение различных элементов одних сфер в другие и в самом деле приводят, с учетом традиционных критериев разграничения отраслей права — предмета и метода правового регулирования, — к стиранию, размытию некогда весьма жестких границ между ними.

В таких условиях, в более или менее отдаленной перспективе, вектор развития представлений о систематизации российского права во многом является предопределенным: с течением времени практический смысл выделения отдельных отраслей права именно по традиционным критериям предмета и метода правового регулирования будет стремиться к нулю, а право, будучи социальным феноменом и развиваясь по законам исторической спирали вместе с социумом, так или иначе, совершит возврат к своему генетически предопределенному делению на право публичное и право частное.

Этой тенденцией объясняется то, что в последнее время в работах, посвященных исследованию юридической проблематики, в том числе, в исследованиях философского характера, всё чаще используется соответствующая терминология, а нередко приводятся и весьма любопытные обоснования деления права только на право публичное и право частное, без строгого, формального отграничения друг от друга отраслей права, входящих в то или иное из указанных двух подразделений (разделов) права.

Справедливости ради следует отметить, что происходящее усложнение общественной жизни, приводящее к описанным выше метаморфозам в систематизации российского права и ставшее в наши дни уже настолько ощутимым, что нет никакой возможности считать его юридически незначимым, становилось предметом набирающих силу дискуссий в среде еще русских дореволюционных классиков юриспруденции.

Так, один из видных русских юристов К.Д. Кавелин, размышляя о соотношении публичного и частного начал в регулировании гражданских правоотношений, отмечал следующее: «...нет ни одного частного юридического отношения, которое не подпадало бы под определение закона или по форме, или по содержанию, а определение законом, что это, как не выражение общественной потребности в виде общего, обязательного правила? Я могу покупать и продавать, но не все, что мне вздумается: есть вещи, которые продавать и покупать запрещается; я могу договариваться, но тоже не обо всем: есть действия, о которых договариваться не дозволено; я могу давать в ссуду и занимать, но опять-таки не совсем свободно: закон о росте или процентах ставит моему произволу, и в этом отношении известные пределы... Во всем этом выражается, что частное не совсем так далеко от публичного, не так отделено от него китайской стеной, как многие готовы думать; будь это так, закон — орган публичных нужд и потребностей — и не подумал бы определять и ограничивать частные юридические отношения»²⁶. Подытоживая, автор заключает: «Итак, внимательно просмотрев все части гражданского права, нельзя найти ни одной, в которой бы шла речь исключительно об одном частном, приватном; в каждой непременно оказывается очень много такого, что по своему значению, влиянию, роли, имеет публичный, общественный интерес, касается более или менее общества, государства... В действительности, область приватного, частного интереса не отделяется резкой чертой от общественного, публичного; но если бы когда-нибудь такое отделение и могло состояться, оно принесло бы совсем не те плоды, какие ожидаются, а напротив, сделало бы частную жизнь и приватные юридические отношения несносными и невозможными»²⁷.

Следуя приведенной логике и хрестоматийной сентенции древнеримского классика Ульпиана, сформулировавшего применительно к современной ему правовой системе отличия публичного и частного права, несложно прийти к выводу о том, что в основании публичного права лежат публичные интересы, а в основании частного права – польза отдельных лиц. И если уж в рамках такой, генетически предопределенной дихотомии права происходит постоянное взаимопроникновение публичных и частных начал правового регулирования, то нет ничего удивительного в том, что наблюдается сегодня в российской юриспруденции: в рамках более дробной системы российского права с его отраслями, подотраслями и институтами подобное взаимопроникновение выглядит еще более детерминированным и закономерным.

²⁶ Кавелин К.Д. Избранные произведения по гражданскому праву. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. – С. 67.

²⁷ Там же. С. 76.

В результате, проблема предмета конституционно-правового регулирования, как и вопрос о необходимости ревизии сложившейся системы российского права, получают принципиально иное измерение и практический смысл, в том числе, делая объяснимым процесс конституционализации отраслей российского права и усиление публично-правовых начал в регулировании общественной жизни, происходящее в контексте вызовов глобализации и зарождающегося информационного общества.

Таким образом, обозначив в ходе предшествующих размышлений онтологический масштаб и глубину исторического контекста столь необходимой для современной России политико-правовой модернизации, нельзя не согласиться с суждением нашего глубокоуважаемого коллеги профессора В.Д. Зорькина: «Без правовой модернизации у России нет будущего»²⁸! И правда, «Дело модерна — это великое дело, требующее и исторической воли, и исторического терпения, и исторического разума наконец. Наш идеал — соединение власти и свободы на основе права как единственного мерила свободы. Идти к этому идеалу можно, только сочетая либеральные меры и сильную власть»²⁹.

Завершим логику наших размышлений о судьбах политико-правовой модернизации России, присоединяясь к сказанному профессором В.Д. Зорькиным, известным выражением одного из ярчайших умов человечества — Цицерона, — о том, что если мы хотим быть свободными, необходимо стать рабами закона.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Авакьян С.А.* Конституционное право России. Учебный курс: Учебное пособие. В 2 т. Т. 1. - 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 864 с.
2. *Бредихин А.Л.* Суверенитет как политико-правовой феномен: Монография / А.Л. Бредихин. - М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. - 128 с.
3. *Вестфальский мир* [Текст] / Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. II. Европа: V-XVII вв. / Нац. обществ.-науч. фонд; руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999. – 829 с.
4. *Военная доктрина Российской Федерации*, утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976 // Российская газета. 2014. 30 декабря.
5. *Грачев Н.И.* Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства: основные закономерности и тенденции развития: Монография / Н.И. Грачев. – М., 2009. – 468 с.
6. *Гроций Г.* О праве войны и мира: Репринт, с изд. 1956 г. / Г. Гроций. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.
7. *Гэлбрейт Дж. К.* Экономические теории и цели общества / Дж. К. Гэлбрейт. – М., 1976. – 330 с.
8. *Декларация СНД РСФСР от 12.06.1990 г. № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики»* // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.
9. *Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации*, утв. указом Президента РФ от 30.01.2010 № 120 // Российская газета. 2010. 3 февраля.
10. *Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (подписан в Хельсинки 01.08.1975 г.)* // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. — М.: БЕК. 1996. – 570 с.
11. *Закон № 1207-VII «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины»*, принятый Верховной Радой Украины 15 апреля 2014 г. (в ред. от 15.01.2014) // Ведомости Верховной Рады Украины. 2014. № 26 (27.06.2014). Ст. 892.
12. *Закон РСФСР от 31.10.1990 № 293-1 «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР»* // Ведомости ВС РСФСР. 1990. №22. Ст. 260.
13. *Заявление «двенадцати» о будущем статусе России и других бывших республик (Вместе с «О критериях ЕС для признания новых государств в Восточной Европе и на территории Советского Союза»)* (Подписано в г. г. Брюсселе, Гааге 23.12.1991) // Действующее международное право. Т. 1 – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. – С. 159 — 161.
14. *Зорькин В.Д.* Цивилизация права и развитие России: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 320 с.
15. *Зорькин В.Д.* Конституционно-правовое развитие России / В.Д. Зорькин. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. - 720 с.
16. *Кавелин К.Д.* Избранные произведения по гражданскому праву. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. – 736 с.

²⁸ *Зорькин В.Д.* Цивилизация права и развитие России... С. 69.

²⁹ Там же. С. 74 — 75.

17. *Концепция* внешней политики Российской Федерации, утв. Президентом РФ 12.02.2013 (документ официально опубликован не был). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf>
18. *Концепция* демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утв. указом Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (в ред. от 01.07.2014) // СЗ РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.
19. *Крусс В.И., Кузьмин А.Г.* Понятие, основные предпосылки и факторы конституционализации российской судебной системы // Проблемы права. 2014. № 3 (46). С. 27 — 38.
20. *Мальцев Г.В.* Нравственные основания права. Изд. 2-е. – М., 2009. – 552 с.
21. *Международный суд ООН признал независимость Косово* // Официальный сайт «Коммерсант.ру». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/1473715>
22. *Монтескье Ш.Л.* О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
23. *Радищев А.Н.* Избранные философские и общественно-политические произведения. – М., 1952. – 672 с.
24. *Стенограмма* выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» по теме «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.) // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46860>
25. *Стратегия* национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 // Российская газета. 2009. 19 мая.
26. *Указ* Президента Российской Федерации от 26.08.2008 № 1261 «О признании Республики Южная Осетия» // СЗ РФ. 2008. № 35. Ст. 4012.
27. *Устав* Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Действующее международное право. Т. 1. – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. – С. 7-33.
28. *Федеральный закон* от 17.12.1998 № 191-ФЗ (в ред. от 14.10.2014) «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» // Российская газета. 1998. 24 декабря.
29. *Федеральный закон* от 30.11.1995 № 187-ФЗ (в ред. от 14.10.2014) «О континентальном шельфе Российской Федерации» // Российская газета. 1995. 7 декабря.
30. *Федеральный конституционный закон* от 17.12.2001 № 6-ФКЗ (в ред. от 31.10.2005) «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // Российская газета от 20.12.2001.
31. *Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е.* Теория современной конституции. - М.: НОРМА, 2007. – 320 с.
32. *Хардт М.* Империя / М. Хардт, А. Негри / пер. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.